

После того как я едва ли не силой, так сказать в состоянии аффекта, притащил Петру в машину, где быстро и даже рублено представил девочку Джессике, в салоне повисло напряженное молчание. Петра смущенно опустила голову, уткнувшись взглядом больших зелёных глаз в носки своих кед. Я же в это время погрузился в собственные мысли, прокручивая текущую ситуацию. А получалось следующее, я случайно наткнулся на будущего Человека-паука, вернее... А действительно, как тут будет верно, Женщина-паук? Ткачиха? Девушка-паук? Непонятно...

Вообще, Человек-паук был моим любимым супергероем. Я, как и все дети, детство которых пришлось на начало «нулевых», начал своё знакомство с этим персонажем ещё по мультику девяносто четвёртого года - тогда выбора то особого и не было что смотреть: Покемоны, Шаман-Кинг, Сейлор-Мун, Телепузики, Черпашки-ниндзя, Трансформеры, либо он, Человек-паук - ни чета современным реалиям, когда есть круглосуточный доступ к огромной кинотеке на любой вкус и цвет. Ах, да, ещё были диснеевские мультики по воскресеньям в семь утра. Эх, помню, встанешь ни свет ни заря, поковыляешь, еле продравши глаза к телевизору, под хмыканье деда, курившего папиросу на кухне и одновременно брившегося электрической бритвой, включишь телевизор, в надежде на каких-нибудь «Чипа и Дейла», либо «Утиных историй», а там... «Слово пастыря», блять! О, или ещё лучше - «Играй гармонь»... Что, самая большая ложь детства это Дед Мороз? Хрен там - вот самая большая ложь! И вот ты сидишь, упорно ждёшь, когда вся эта муть закончится и начнутся твои долгожданные мультики, ведь в программе телепередач, что печаталась в газетах, говорилось, мол, да, утром будут мультики, жди. Ждёшь, ждёшь, а потом - херак и «Армейский магазин» с полуголой Даной Борисовой. Ох и ненавидел же её в детстве...

Кхм, что-то я отвлёкся. Так вот, в детстве моим любимым героем был Человек-паук. Мне он казался намного круче, чем всякие Супермены, Бетмены и другие, ведь это Человек-паук! Умный, сильный, лазает по стенам, шутит и, вообще, просто круто перец. Круче него лишь старина Чак. Потом были мульты уже более новые, другие персонажи комиксов, другой Человек-паук. Помню я так радовался, когда вышел Человек-паук с Тоби Магуайром, потом второй, третий. Помню, как грустил, когда долгожданной четвертой части не было, как плевался, когда вышло переиздание с Эндрю Гарфилдом, на деле оказавшееся не столь плохим, как казалось изначально. Но, да, он всё же не дотягивал до шедевра Сэма Рейми. Потом были и другие мультфильмы про этого супергероя, но всё они были... Не тем, что хотелось. Словно бы не дотягивали до высокой планки, заданной мультфильмом девяносто четвёртого и первой трилогией с Тоби. Были ещё и комиксы, но, честно признаться, я не был фанатом. Вернее, не так - почитать то их я был не против, да взять негде было в нашем «Зажопске».

И вот, на фоне всего этого, я вживую встречаю, не побоюсь этого слова, кумира детства. Но он не тот. Мало того, что этот Паук ещё даже «пауком» не стал, так он и не «он» вовсе, а «она». Во мне бушевали двоякие чувства: с одной стороны, маленький «чибик» внутри меня кричал, мол, «Это же Человек-паук!», в то же время другой ему возражал - «Это не Человек-паук».

Весь их «разговор» был примерно следующего толка:

— Но это же Человек-паук!

— Нет, она - девочка, а Паук - мальчик!

— Но это Паук!

— Мелковата...

— Но ведь Паркер!

— Петра.

— Но ведь... супергерой...

— Ещё нет.

— Но ведь будет...

— А с чего ты взял, может и нет.

— Н-но... ведь... — и хватается руками за голову, в попытке осознать весь свой «экзистенциальный кризис».

Всё это время я молчал, под хмурым взглядом Джессики, взиравшей на нас с переднего сиденья. Её взгляд словно так и говорил: «И, что, это всё? Притащил девчонку, которая едва ли не плачет, а сам теперь сидишь и молчишь? У тебя вообще есть яйца?!» Но я молчал. Просто не знал, что нужно говорить, хотя и понимал, что так продолжаться не может.

Сделав волевое усилие над собой, переступая через «бухающего чибика-фаната Паука», у которого произошел «разрыв шаблона», я всё же смог преодолеть себя – плевать, кем Петра будет в будущем, главное, что сейчас она девочка и у неё не всё хорошо. Я же взрослый мужик? Бреюсь, плачу налоги, пиписка волосатая? Нет... по всем пунктам. Ладно, не взрослый, но мужик же, а какой мужик хочет видеть женские слёзы... Если это только не слёзы «любимой» тещи. Шучу. Так что нужно взять яйца в кулак и превозмогать.

— Кхм, — прочистив горло, скрывая за этим неловкость от ситуации, я начал разговор, — Петра, ты так и не сказала, где живёшь.

Девочка вздрогнула и несколько воровато подняла глаза на меня, после чего вновь опустила голову и тихо ответила:

— Я... Да, прости, я живу... В Куинсе. На пересечении пятнадцатого шоссе и двести девятой улицы...

Для меня эти слова не значили ровным счётом ничего. Нет, я приблизительно знал, где находится Куинс, но вот эти «Роудс» и «Стритс» для меня глухой лес, а это не есть «гуд», так что нужно будет потом исправить упущение. В отличие от меня, Джессика, которая как можно догадаться, слышала Петру, удивлённо присвистнула и посмотрела на девочку через зеркало заднего вида:

— Фью! Далековато же ты забралась, подруга!

Паркер же на это лишь больше съежилась, но я решительно взял девочку за руку, от чего та подняла свой слегка затравленный взгляд, потом перевела его на наши руки, снова на меня и опять на руки, после чего опустила голову, а я увидел, как кончики её ушей покраснели. И тут внутри меня что-то ёкнуло. Ещё раньше заметил, что внутри меня, стоило лишь впервые увидеть Петру, вдруг что-то начало умильно бурчать от вида девочки, так похожей сейчас на побитого щеночка. Голодного, мокрого, с большущими глазами, смотрящими на тебя одновременно с надеждой и страхом, ожидая получить очередную порцию боли, что довелось этому маленькому существу отведать за свою короткую жизнь. Но сейчас, глядя на сидящую рядом Петру, это «нечто», скрытое внутри меня, растеклось лужицей кавая. Я едва удержался от того, чтобы обнять её и прижать к груди, закрывая от всего остального мира. И, чёрт побери, монах во мне приоткрыл свои глаза, в которых плескалась явная и неприкрытая одухотворенным лицом, угроза. И он готов был излить её на любого, кто попытается обидеть эту маленькую девочку перед ним.

Периферийным зрением удалось заметить, как в зеркале Джессика расплывается в ехидной улыбке, пытаясь скрытно показать мне большой палец, на что я едва ли не закатил глаза – шепутная девка, чего тут сказать. Вот только иногда её характер начинает подбешивать, так что я, решив скрыть смущение, использовал приём, которым мастерски владел мой дед, а я всячески старался в своё время ему научиться. Вроде получилось – пациентов, которые решили

бузить во время практики понимало только так. Так что, состроив как можно более суровое выражение лица, я «посмотрел матом», на сдавленно «кхекнувшую» девушку. Что же, мастерство не пропьёшь, хоть я и активно пытался... Но до деда мне всё равно было как раком до Китая – тот у меня был военным, «полканом», и умел одним лишь взглядом заставить обосраться целую роту, включая ротного, прапора, летёх и прочих «гавриков». Так что, да... Смотреть матом – целое искусство, в котором я ни разу не Микеланджело, но, эй, художника обидеть может каждый! Одного в тридцатых обидели, так потом пол века последствия разгребали...

Пока Джессика приходила в себя, я решил отвлечь Петру, разговорив ту немного на тему, на которую, как мне казалось, девочка должна была «клюнуть». Насколько я помнил, оригинальный Паркер был фанатом Кэпа, так что, справедливо решив поставить на сходства Пауков, я аккуратно задал вопрос:

— Слушай, Петра, а что ты думаешь о Капитане Америка?

Как оказалось, я недооценил Петру, или всё же дело во влиянии Кэпа, как основополагающей фигуры, сыгравшей роль во возвращении патриотического духа народа Америки?

Паркер, стоило той услышать мой вопрос, сначала робко подняла голову, так и не отпустив мою руку, после чего, слегка помедлив, словно собираясь с мыслями, начала выливать на меня просто тонну информации. Постепенно, по мере её монолога, во время которого я лишь «угукал», да кивал головой, девочка становилась всё живее, дойдя до того, что уже через пять минут восторженно рассказывала о не самых известных похождениях Стефани Грейс Роджерс. При этом активно жестикулируя руками, в одной из которых уже сама сжимала мою ладонь. Я, честно сказать, успел слегка пожалеть, что решил разговорить девочку именно таким образом – я не был фанатом Кэпа, как киношного, так и местного, да и жизнь меня его не особо интересовала. Но стойчески терпел, умиляясь от вида ожившей Петры, которая уже не напоминала того побитого щеночка, а лучилась яркой улыбкой.

Прервали царившую в машине «идиллию» две особы: одна большая и черноволосая, а другая маленькая и блондинистая – Хоуп и Фелиция наконец-то добрались до машины. Первой в машине оказалась сестра, которая с широко открытыми глазами уставилась на Паркер с немым вопросом. Сама же будущая Паучиха так и застыла с поднятой левой рукой, с зажатой в ней моей ладонью, оборванная на середине рассказа очередной байки про Кэпа.

Немая сцена. Фелиция смотрит на меня, потом на Петру и на наши руки, потом снова на меня, на Джессику и в очередной раз на наши руки. Увидев направление взгляда и проследив за ним, Паркер ойкнула и быстро выдернула свою ладошку, словно обжегшись о раскаленную болванку, после чего густо покраснев, опустила голову, скрывая лицо за чёлкой.

В это же время вторая «не горничная» села в машину, окинув нас с Петрой удивлённым взглядом и перевела его на свою напарницу в немом вопросе, на что та придвинулась и что-то шепнула на ухо Хоуп с ехидной улыбкой и вернулась на место, прикрыв ротик с довольной улыбкой кулачком.

Неловкое молчание прервал мой голос, а то, чувствую, затянуться он мог на долго – уж очень ошарашенно выглядела сестра. Немудрено, ведь в школе я так друзей и не завёл, а общался лишь если того требовала ситуация на занятии. Ну либо с ней разговаривал, практически не обращая внимания на других. А тут – на тебе, Фелиция привычно запрыгивает в машину, где кроме меня и Джессики не должно было быть никого и видит какую-то девчонку, держащую меня за руку и что-то мне активно «втирающую». Естественно, у сестры случился небольшой разрыв шаблона и, наученный опытом, я решил «бить на опережение». А то знаю я этих женщин (а даже маленькая женщина – всё равно остаётся женщиной) – додумают то, чего нет, после чего на это самое «чего нет» обидятся, начнут выносить мозг, после чего придётся просить прощение за то, «чего нет». Женщины...

— Фелиция, это Петра Паркер — указал я ладонью на девочку, — Она опоздала на автобус, а её тетя и дядя на работе и не смогут за ней приехать, так что я решил помочь и подбросить до дома.

— Петра, — обратился я уже к Паучихе, — Это моя сестра - Фелиция Харди.

— Приятно познакомиться, п-простите за неудобства! — Петра подняла голову и неловко улыбнувшись протянула руку сестре. Та в ответ с кривоватой улыбкой пожала её.

— Приятно... — механически проговорила сестра, после чего перевела на меня свой взгляд, в котором была целая буря возмущения, а я машинально приготовился второй раз за короткое время «бить на опережение» и ведь не прогадал!

— А род... — едва начав задавать вопрос, о котором нетрудно было догадаться, сестра осеклась, увидев мой взгляд. Да, я применил тот же приём, что довелось испытать Джессике – посмотрел на сестру матом.

Фелиция была не глупой девочкой и зависнув на несколько мгновений, на её лице появилось

понимание, а губы задвигались в беззвучном и неловком «оу». К счастью, Петра после того, как они с сестрой пожали руки, вновь смущенно опустила голову и не видела этого, так что сестра, можно сказать, не попала в неловкую ситуацию... Ну более неловкую, чем сейчас.

— Джессика, — телохранительница повернула ко мне голову, дернув ту слегка вверх в немом вопросе, — За сколько мы доедем до дома Петры?

Задумчиво прикинув что-то в голове, телохранительница глянула на свои наручные часы, циферблат которых находился со внутренней стороны запястья (что, в общем-то, с головой выдавало в ней бывшую военную), после чего, решив что-то уточнить окликнула Паркер:

— Пятнадцать и двести девять, это которые за Клирвью?

Девочка кивнула.

— Ну... Минут за тридцать, сейчас вроде пробок не особо много.

— Тогда может заедем куда-нибудь поедим? — закинул я «удочку», — Отметим окончание учебы! — а вот от упоминания еды девочки (и девушки) заметно расцвели, встретив данную инициативу с явным одобрением. Даже Петра, которая хоть и начала что-то говорить, про то, что ей неловко и, вообще, у неё денег нет, как-то быстро затихла, под протестующее бурчание собственного желудка. Густо покраснев, Паркер оставалось лишь стоически воспринять не терпящий возражений голос Фелиции, под одобряющими взглядами Хоуп и Джессики:

— Едим есть.

<http://tl.rulate.ru/book/760/13854>